

ЕВАНГЕЛЬСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ: ЛИТЕРАТУРНОЕ ОКРУЖЕНИЕ СИНОПТИЧЕСКИХ ЕВАНГЕЛИЙ

Попов А.В.

Любой осмысленный текст не может существовать вне своей культурно-исторической матрицы. Подобно тому, как язык определяется конвенционными отношениями своих носителей, вне которых он есть не более чем бессмысленный набор звуков или знаков, текст, в особенности литературный, опирается на бесчисленные жанровые, этнические, лингвистические, социальные, религиозные или даже гендерные конвенции. Новозаветные тексты в этом отношении не являются исключением.

Система культурных смыслов в обществе меняется очень быстро, гораздо быстрее языка. Поэтому спустя всего несколько десятилетий литературные тексты понимаются неподготовленным читателем или даже экспертом с большим трудом. Например, можно вспомнить недавний спор вокруг пушкинского выражения «он уважать себя заставил», спор, по существу, ни чем не закончившийся¹. Насколько же непросто нам понять, что имел в виду Иисус, к примеру, говоря о верблюде в игольном ушке. К сожалению, интерпретаторы далеко не всегда осознают всей сложности задачи. Тексты всегда можно интерпретировать по-своему, вложить в них смысл, о котором первые читатели даже и не догадывались: увидеть крылатые ракеты в горящей эфе из пророчества Захарии или антихриста в Наполеоне. Однако если мы серьезно подходим к герменевтике библейских текстов, мы не можем игнорировать систему литературных конвенций, использованных в них. Понять же эти конвенции можно только через изучение литературных произве-

¹ По одной версии, эти слова из начала романа в стихах «Евгений Онегин» означают «умер». В первом эпизоде Евгений Онегин радуется, что ему не пришлось ухаживать за дядей. Однако документальных подтверждений такого употребления этого выражения нет. Так что противники данной теории интерпретируют данные слова как кальку с французского. По этой версии, Онегин еще только собирался лицемерно продемонстрировать свое уважение к богатому наследодателю.

дений, которые формировали восприятие текста древними читателями.

Литературный подход в изучении Библии являлся приоритетным на протяжении всего двадцатого века. Предложить что-то новое в этой области не так и просто. В настоящей статье, не претендуя на новизну, я предлагаю компактный обзор литературного фона евангелий. Я сосредоточусь, прежде всего, на синоптических евангелиях, т. к. Евангелие от Иоанна требует в этом отношении особого анализа.

Авторы и первые читатели евангельских текстов могли быть знакомы с двумя основными разновидностями художественной литературы. Во-первых, это классическая античная литература, которая ко времени написания Нового Завета уже достигла своего апогея. Греческий и латинский языки уже имели форматизированную грамматику и фиксированные литературные нормы. Однако с точки зрения грамматических и риторических стандартов новозаветные евангелия не дотягивают даже до среднего уровня. Используя греческий язык для написания своих работ, авторы евангелий, очевидно, игнорировали греческие книжные нормы и, судя по всему, не особо в них ориентировались. Однако это отнюдь не означает, что евангелисты не были знакомы с сюжетами античной литературы. При этом можно ожидать, что данное знакомство происходило на низовом устном уровне: они знали мифы, легенды и сказания, которые фиксировались в высокой литературе, а частично ею и порождались².

Но гораздо большее влияние на авторов евангелий оказывала иудейская литература. Наиболее значимым источником для евангелистов была Септуагинта и примыкающие к ней апокрифы – то, что первые христиане называли «Писанием». Эти источники многократно непосредственно цитируются. Кроме того, очевидно, стиль³ и нарративные приемы

² Например, очевидно, люди пересказывали друг другу содержание театральных представлений, которые были популярны по всей ойкумене, в том числе и в Израиле. Так, во времена Христа театр функционировал в Сепфорисе, который непосредственно примыкал к месту, где сейчас располагается город Назарет, считающийся родным городом Иисуса.

³ Евангелисты копируют стиль вплоть до навязчивого использования союза *kai* («и») в начале любого предложения, что является типичной для Септуагинты калькой с еврейского консекutiveго имперфекта.

в большой степени заимствованы именно оттуда. Также на евангелистов могли оказывать влияние раввинистические тексты, которые тогда существовали только в устной форме, но в дальнейшем были зафиксированы в трактатах Мишны и в Мидрашах.

Синоптические евангелия представляют собой выборочный биографический очерк жизни Иисуса из Назарета, выраженный в форме прозаического повествования. В основном они сосредоточены на периоде от крещения до казни и воскресения. Вообще, описание жизни героя является, пожалуй, наиболее распространенным видом литературы в античной и ближневосточной литературе. При этом вполне типично, что древние повествования фиксируются именно на каком-то значимом отрезке биографии (к примеру, возвращение Одиссея с Троянской войны у Гомера). Очень часто сюжет развивается вокруг путешествия и подвигов (или приключений) главного героя (та же «Одиссея», «Энеида» Вергилия, «Аргонавтика» Апполония Родосского, «Геракл» Еврепида, «Плутус» Аристофана и множество других). Жизнеописания зачастую имеют дидактическую цель («Сравнительные жизнеописания» Плутарха). Говоря о литературном контексте евангелий, среди различных биографических произведений античности особо выделяют «Жизнь Аполлония Тианского», написанную Филостратом Старшим, поскольку в данном произведении есть множество аналогичных поворотов: чудесное рождение, совершение чудес и исцелений, суд у римлян, посмертное явление ученикам.

Особенностью евангельского сюжета является очевидное сосредоточение на описании страстей Иисуса. Однако эта черта также не уникальна. Вообще в античной трагедии интерес к страданиям и смерти героя был обычным явлением. Например, вся пьеса Эсхила «Прометей прикованный» развивается вокруг распятого на скале героя. Диалог «Федон» Платона описывает только день казни Сократа.

Впрочем, надо отметить, что евангелия внутренне совсем не похожи на произведения античной литературы языческих авторов. Например, при формальном сходстве сюжета в жизнеописании Аполлония Тианского манера изложения материала у Филострата совершенно иная. Филострат в своем повествовании многословен, склонен к рассуждениям,

историческим справкам, у него проявляются очень разнообразные интересы от физики до диетологии. Например, в Жизнеописании содержится «благовещение» матери Аполлония. Можно обратить внимание насколько его стиль кардинально отличается от того, что мы находим в Евангелии от Луки:

Когда мать еще носила Аполлония во чреве, ей явился египетский бог Протей, чей изменчивый облик воспет Гомером, и, ничуть не испугавшись, она спросила, кого ей предстоит родить. «"Меня", – ответил тот». – «Но кто ты?» – «Я – Протей, египетский бог». Стоит ли объяснять знатокам словесности, какова мудрость Протея, как многообразны его обличья, как он неуловим, как славен ведением прошедшего и будущего? Следует запомнить все это о Протее, ибо далее в повествовании своем я покажу, что Аполлоний превзошел его и прозорливостью, и способностью выходить из затруднительных, а то и безвыходных положений в миг наибольшей опасности⁴.

Гораздо большее значение для евангелистов имели иудейские биографические нарративы, обильно представленные в Писании: рассказы об Аврааме, Иакове, Моисее, Давиде и т. д. В позднем периоде в древнееврейской литературе появляются также мартирологии (например, 4 книга Маккавейская). При этом следует отметить то, что иудейские мартирологии, в отличие от греческих трагедий, всегда оптимистичны. Например, отроки в огненной печи (Дан. 3) не горят, а поют гимны; Даниил остается невредимым в львином рву (Дан. 6); Иов исцеляется и богатеет⁵. Исследование ветхозаветных нарративов показывает большое литературное сходство с евангелиями: например, лаконичность изложения, отсутствие авторских рассуждений (авторские комментарии даются в виде реплик), отсутствие описаний и внутренних переживаний героев, афористический характер высказываний, использование сюжетных повторений (например, при умножении хлебов). Евангелия зачастую используют конвенционные элементы Ветхого Завета: рождение святого у престарелой бесплодной четы (Лк. 1, ср. Быт. 17), встреча женщины у колодца (Ин. 4, ср. Быт. 29:1-10), преум-

⁴ Флавий Филострат, Жизнь Аполлония Тианского, пер. Е.Г. Рабинович. – М: Наука, 1985. – С. 7.

⁵ Оптимистичность является чертой вообще всех страстных текстов Ветхого Завета (например, Пс. 21, Пл. Иеремии, книга пророка Аввакума). Это связано, судя по всему, с богословием Второзакония, согласно которому праведник должен, в конце концов, получить благословение. Таким образом, настоящий трагизм в Ветхом Завете не допускается.

ножение пищи для насыщения голодных (Мк. 6:35-36, ср. 4 Цар. 17:10-16) и т. д.

Как известно, в синоптических евангелиях повествование идет не последовательно, а разбито на отдельные, мало связанные друг с другом эпизоды (*перикопы*). Принято считать, что *перикопы* отражают первоначальную устную традицию, которая была зафиксирована евангелистами в своих произведениях. Повествовательный материал зачастую группируется у евангелистов по тематическим кластерам: рассказы о чудесах, рассказы о конфронтации с врагами, рассказы о получении учеников. Комбинирование различных эпизодов является одним из выразительных средств авторов. Например, Матфей формирует в своем тексте пять учительных частей, перемежая их с рассказами о делах Иисуса, которые, видимо, должны были характеризовать Иисуса как нового Моисея. При этом те же эпизоды у разных евангелистов могут быть помещены в различные части повествования⁶.

Следуя классической классификации *перикоп*, основа которой была заложена в книге *Die Formgeschichte des Evangeliums* Мартина Дибелиуса, вышедшей в 1919 году⁷, мы можем выделить четыре категории законченных отрывков евангельских повествований:

- А. Речения Иисуса, которые Рудольф Бультман разбил на пять видов: логики, слова мудрости, пророчества, заповеди, речения о Себе и притчи⁸. Речения Иисуса часто входят в другие формы, поэтому некоторые авторы, как Винсент Тейлор⁹, их отдельно вообще не рассматривают.
- Б. Парадигмы (апофегмы по Бультману), т.е. истории об Иисусе с поучительным выводом, которые чаще всего влагаются в уста главного героя¹⁰.
- В. Истории о чудесах (*Novellen* или *Wundergeschichten* у Бультмана). Данная форма, по сути, отличается от па-

⁶ Например, материал Нагорной проповеди в Евангелии от Матфея, который обычно отождествляется с содержанием источника Q, Лука размещает совершенно иначе.

⁷ Цитируется по английскому переводу Martin Dibelius *From Tradition to Gospel*. – James Clarke & Co., 1971

⁸ D.A. Hagner, *The New Testament: A Historical and Theological Introduction*. – Baker Books, 2015. – P. 67

⁹ V. Taylor, *The Formation of the Gospel Tradition*. – Macmillan & Company, 1935

¹⁰ Например, история о богатом юноше. Вывод здесь – слова Иисуса «как трудно имеющим богатство войти в Царствие Божие!» (Мк. 10:23).

радигмы только специфической темой. Рассказы демонстрируют исцеления, которые часто связаны с изгнанием бесов.

- Г. Повествования об Иисусе (Mythen или Legendен по Бульману). Это, собственно, повествовательные отрывки жизнеописания. Сюда входят, в частности, рассказы о Рождестве, о Преображении, о Страстях, казни и воскресении Иисуса.

Строго говоря, данная классификация была предложена для описания форм устной традиции, которая, по мнению Дибелиуса и других представителей школы Истории Форм, лежала в основе синоптических евангелий. Обсуждение генезиса евангельских текстов не входит в задачу данной работы. Мы просто будем придерживаться этой классификации, поскольку она опирается на объективные характеристики этих литературных произведений.

Речения Иисуса

Речения являются самым распространенным жанром древней литературы, причем не только в Средиземноморье, но и в самых отдаленных культурах: в Китае, Индии. Все без исключения произведения философов досократиков сохранялись в форме афоризмов, пословиц или коротких диалогов (*хрии*). Изречения древних мудрецов долгое время сохранялись в устной традиции и были кодифицированы в произведениях философов уже более позднего времени. Например, мысли Пифагора, жившего в V в. до н.э., были записаны такими авторами, как Диоген Лаертский и Порфирий, только в III в. н.э., то есть почти через восемь веков.

При этом зачастую у античных философов можно найти и высказывания, схожие с высказываниями Иисуса. Например, возьмем некоторые афоризмы «отца философии» Фалеса Милетского:

Многословие еще не залог разумения (Ср. Мф. 6:7).

Помните, что дети ваши будут обходиться с вами так же, как вы обходитесь со своими родителями (Ср. Мф. 7:12).

Самое трудное – познать самого себя, самое легкое – давать советы другим. (Ср. Мф. 7:3-5).

Врагам и в вероятном не верь, друзьям и в невероятном верь (Ср. Мф. 5:43).

Какие-то совпадения с евангельскими мыслями в этих изречениях совершенно не означают какого-либо заим-

ствования. Просто речения зачастую являются выражением довольно очевидных общих истин, которые будут формулироваться примерно одинаково в любой культуре.

Гораздо труднее найти в античной литературе аналогии притчей Иисуса. Какое-то подобие этого жанра можно найти в баснях Эзопа или Федра. Однако евангелиям чужды анималистические образы античных баснописцев. Гораздо в большей степени речения Иисуса подобны раввинистическим текстам, которые были кодифицированы гораздо позже. Особенно следует отметить схожесть материала речений Иисуса с высказываниями мудрецов в трактате Авот (Пиркей Авот или Мисехет Авот).

Книга Пиркей Авот является первым трактатом Мишны. В отличие от остальных мишнаитских произведений она не посвящена изучению аспектов Закона, а является компиляцией речений ранних раввинов фарисейской секты. По существу эти изречения представляют собой развитие жанра древнееврейского *машала*. Термин *машал* (буквально «пример») может означать любые более или менее короткие мудрые изречения. Они могут иметь как характер афоризма или пословицы, так и развернутой притчи. Можно привести некоторые примеры *машалов*, которые напоминают евангельские изречения:

Влекущийся за именем – имя свое погубит¹¹; кто не прибавляет – теряет¹² (изречение Гиллея, 1:13).

Рабби Тарфон говорил: «День короток, а работы много¹³; работники ленивы, но плата велика, и хозяин торопит» (2:15).

Ученики бывают четырех типов: легко схватывает, но и легко забывает – больше теряет, чем приобретает; усваивает с трудом, но прочно – больше приобретает, чем теряет; легко усваивает и не забывает – мудрость; с трудом усваивает и легко забывает – плохая участь¹⁴ (5:12).

В наибольшей степени на притчи Иисуса похожи короткие истории, которые приводятся для пояснения Писания в Мидрашах. Например, в комментарии на Числ. 11:2 рассматривается вопрос о том, почему народ возопил к Моисею, а не непосредственно к Богу. По этому поводу рав Шаммай приводит притчу:

¹¹ Ср. Мф. 10:39

¹² Ср. Мф. 12:13

¹³ Ср. Мф. 9:37-38

¹⁴ Ср. Мф. 13:18-23

Чему уподоблю сие? Сие подобно тому, как царь рассердился на сына своего. Тогда сын пошел к другу отца своего и стал умолять его: «Пойди, заступись за меня перед отцом моим». Так и народ пошел к Моисею и стал просить его: «Заступись за нас перед Богом»¹⁵.

В то же время полных аналогов развернутым притчам Иисуса, таким как Перейские притчи (о блудном сыне, о добром самарянине), в литературном окружении евангелий нет.

Парадигмы

Парадигмы или апофегмы также являлись чрезвычайно популярным жанром античной литературы. Данный жанр подразумевает некоторый исторический анекдот, рассказ об остроумном поступке или изречении героя. Апофегма часто завершается афоризмом, который и является целью всей истории (например, «трудно богатому войти в Царство Небесное»). Таким образом, его характеризует кульминационное высказывание или поступок, описываемый в самом конце повествовательного отрывка.

Классическим примером сборника парадигм служит книга Плутарха «Изречения царей и полководцев». Парадигмы или апофегмы в изобилии содержатся в произведениях любого античного историка.

В то же время они нехарактерны для еврейской литературы. Какие-то примеры данного жанра можно найти в рассказах о царях (например, суды Соломона, 3 Цар. 3:16-28). Но чаще всего кульминация парадигм в Ветхом Завете является лишь связующим звеном нарратива («услышал весь Израиль о суде, как рассудил царь; и стали бояться царя»), а не демонстрацией некой универсальной истины, как в евангелиях.

В раввинистической литературе данная форма присутствует в еще более стертom виде. Например, в Вавилонском Талмуде (Псахим 6:1, 33а) содержится рассказ о том, как раввины не принимали методов толкования Гилеля, пока тот не сослался на авторитет: «Придут на меня все наказания, если не слышал я это из уст Шмайи и Авталиона!»

Но в подобных рассказах кульминация не демонстрирует находчивость героя, не содержит важного поучения, а про-

¹⁵ БаМидбар Раба. Перевод мой по тексту https://he.wikisource.org/wiki/%D7%91%D7%9E%D7%93%D7%91%D7%A8_%D7%A8%D7%91%D7%94

сто подводит итог дискуссии. Так что апофегмами такие места Талмуда можно назвать лишь с натяжкой.

Рассказы о чудесах, исцелениях и экзорцизме

Евангельские рассказы о чудесах и исцелениях имеют много аналогий в античной литературе. Проблема с этим жанром связана с неоднозначностью самой идеи чудотворения. Речь тут не идет о собственно чудесах. Безусловно, описания сверхъестественных явлений присутствуют еще в гомеровских произведениях. Но чудеса обычно совершаются богами, а не людьми. Так в «Метаморфозах» Овидия Юпитер и Меркурий во время посещения Филемона и Бавкиды производят чудо умножения еды на столе гостеприимных хозяев, чем и обнаруживают свою божественность¹⁶.

Но «что позволено Юпитеру, не позволено быку». Человек, творящий чудеса, вызывал подозрение и неприязнь в древнем обществе. Чудотворения зачастую рассматривались как проявления темных оккультных практик. Даже библейские пророки не дерзали демонстрировать чудесные проявления. По сути, после Елисея пророки занимались исключительно предсказаниями. Особенное подозрение вызывали любые манипуляции во время совершения чуда. Так поступок Моисея, ударившего посохом дря для получения воды из скалы, рассматривался как страшный грех (Числ. 20:12). Чудеса были привилегией только Бога (или богов в языческом сознании). Не случайно чудеса и исцеления Иисуса вызвали отрицательную реакцию у старейшин народа.

Но чудотворцы, безусловно, в древнем мире были. Рассказы о них передавались в устной традиции. Так, о неких странствующих жрецах и пророках упоминает Платон в диалоге «Государство»¹⁷. Повествования о чудотворцах стали появляться в письменных текстах с началом кодификации наследия эзотерической пифогорейской школы. О самом Пифагоре Ямвлих, считающий его воплощением Аполлона, пишет:

Приводят постоянно и без расхождений тысячи других примеров деяний этого человека, еще более удивительных и обнаруживающих его божественную природу: и сбывшиеся предсказания землетрясений, и

¹⁶ Метаморфозы, 8:621-696

¹⁷ Гос. 364b-365a

быстрые прекращения им чумы, мгновенные остановки бурь¹⁸, града и ливней, и умиротворение морских и речных волн для того, чтобы друзья могли легко переправиться¹⁹.

Некоторые мотивы евангельского повествования можно увидеть в эпизоде встречи Пифогора с рыбаками:

А в это время, направляясь из Сибариса в Кротон, встретил он на побережье рыбаков и, когда они еще тянули из глубины тяжелую сеть, сказал им, каков будет улов, и точно назвал число рыб. На вопрос рыбаков, что он велит им делать, если так и будет, он приказал отпустить рыб невредимыми, сперва точно пересчитав их. И еще более удивительное обстоятельство: ни одна из рыб за такое долгое время, пока велся подсчет, находясь вне воды, не задохнулась, пока он был рядом. Заплатив за рыбу рыбакам, он ушел в Кротон²⁰ (Ср. Ин. 21:1-12).

Однако в наибольшей степени чудеса Иисуса сходны с чудесами неопифогорейца Аполлония из Тианы. Вот, например, рассказ об исцелении невесты, в котором дословно повторяются мотивы воскрешений сына Наинской вдовы (Лк. 7:11-16) и дочери Иаира (Лк. 8:41-56):

Некая девица в час своей свадьбы вдруг – по общему мнению – умерла. Жених неотступно шел за погребальными носилками, рыдая, что брак остался незавершенным, а вместе с ним плакал весь Рим, ибо девица была из весьма знатной семьи. Узрев такое горе, Аполлоний сказал: «Опустите носилки, ибо я остановлю слезы, проливаемые вами по усопшей», – а затем спросил, как ее звали. Многие решили, что он намерен произнести речь, какие обычно произносят на похоронах, дабы подстегнуть всеобщие сетования, однако Аполлоний ничего подобного делать не стал, а коснулся покойницы, что-то потихоньку ей шепнул – и девица тут же пробудилась от мнимой смерти: и собственным голосом заговорила и воротилась в отеческий дом (VI, 45).

Множество чудес описывается в сатирическом произведении Лукиана Самосатского «Любители лжи или Невер» (Φιλοψευδής ἢ Ἀπιστῶν)²¹. В этой книге Лукиан иронически описывает различные суеверия, о которых образованный человек серьезно писать бы не стал. В результате читатель узнает о различных городских легендах того времени, которые, как и положено городским легендам, бытовали исключительно в народном творчестве. Некоторые из этих

¹⁸ Ср. Мф. 8:26

¹⁹ Ямвлих, Жизнь Пифагора, XXVII, 135

²⁰ Там же, VIII, 36

²¹ Лукиан, Сочинения. – т. II, С. 196-211

рассказов содержат аналогии с евангельскими текстами. Так повествование об исцелении виноградаря Миды напоминает рассказ об исцелении расслабленного (Мк. 2:1-12, Мф. 9:1-7, Лук. 5:17-26):

Кто-то принес моему отцу известие, что Мида-виноградарь, сильный и в общем трудолюбивый раб, укушен в полдень ехидной: он лежит, и в его ноге уже началось гниение... Тогда один из друзей моего отца, бывший свидетелем его горя, сказал ему: "Не тревожься. Я сейчас приведу к тебе одного вавилонянина — из халдеев, как говорят. Он вылечит твоего человека". Не стану растягивать своего рассказа. Пришел вавилонянин и заставил подняться Миду, изгнав яд из его тела каким-то заклинанием... Но этого мало: ту постель, на которой принесли его, Мида сам поднял и отправился в поле, неся ее на себе²².

Особенно же вызывает интерес рассказ о сирийце-экзорцисте:

Все знают сирийца из Палестины Софиста-Мудреца, изощренного в таких делах, который принимает множество больных, страдающих при лунном свете падучей, закатывающих глаза и бьющих изо рта пеной, и тем не менее ставит их на ноги и отпускает от себя здоровыми, избавляя от болезней за крупное вознаграждение²³. Когда он подходит к лежащему и спрашивает его, откуда в тело вошли болезни, то сам больной молчит, а злой дух — по-гречески или по-варварски или иначе, смотря по тому, откуда он происходит — отвечает ему, как и откуда вошел он в человека. Сириец изгоняет духа, приводя его к клятве, причем прибегает к угрозам, если тот не соглашается. Я видел сам, как злой дух выходил из человека, похожий на черный дым²⁴.

Описаний экзорцизмов вне евангельского текста достаточно мало. Судя по источникам, это явление было распространено в основном в восточных провинциях Римской империи и особенно среди христиан²⁵. Можно найти описание изгнания бесов с помощью «кольца Соломона» у Иосифа Флавия²⁶. В талмудической литературе есть несколько намеков на практику экзорцизма²⁷. Однако раввины изгоня-

²² Любитель Лжи или Невер. — С. 11

²³ Есть мнение, что данный отрывок содержит пародию на Иисуса Христа. Однако факт взимания платы за исцеление эту версию полностью отвергает.

²⁴ Там же, С. 16

²⁵ См. Ориген, Против Цельса, 3:24

²⁶ Иосиф Флавий, Иудейские древности. — VIII. 2, § 5

²⁷ Авода Зара 55b

ли нечистых духов молитвой, а не прямым заклятием. В Талмуде экзорцизм упоминается также в связи с самим Иисусом с целью его дискредитации²⁸. Способы экзорцизма также описываются в Анастасийской коллекции колдовских папирусов (*Papyri Graecae Magicae*), найденной в Египте.

Уникальной особенностью евангельских рассказов о чудесах является их апофтегматический характер: в то время, как для греческих авторов чудо интересно само по себе, евангелисты используют чудесные явления для демонстрации чего-то более важного: веры недостойных или соблазна псевдопроевдников, или божественной природы Христа.

Повествования об Иисусе

Рассказы об Иисусе следуют традиции историцизированной прозы²⁹, известной как в Ветхом Завете, так и у греческих историков. Чистых повествований в евангелиях не так много, хотя они занимают и значительную долю в общем объеме текста. Наиболее оригинальные сюжеты мы встречаем в рассказах о крещении и страданиях Иисуса.

Крещение – это сам по себе уникальный обряд как для язычников, так и для иудеев. Кроме того, история крещения Иисуса подразумевает наличие концепции Духа Святого, что также не имеет прямых аналогий вне христианства.

Описание крестных страданий имеет значимость только внутри христианской теологии. В античном мире никому бы и в голову не пришло патетически описывать самую страшную и позорную казнь, предназначенную для мятежных рабов. Можно отметить некое сходство рассказа о крестных страданиях у Иоанна с греческой трагедией в плане описания фатума³⁰. Но это скорее особенность интерпретации сюжета отдельным евангелистом. Сами по себе страсти Христовы в своей историчности, натуралистичности и парадоксальности вряд ли могли бы составить фабулу литературного текста в античной культуре.

Более понятны литературные корни описания Преображения. Судя по всему, данный рассказ использует образы

²⁸ Tosef., Hul. ii. 22

²⁹ Термин Роберта Альтера из книги *The art of biblical narrative* (Basic Books, 1981).

³⁰ D. Pratt, *The Gospel of John from the Standpoint of Greek Tragedy*. – *The Biblical World*, Vol. 30, No. 6, Dec., 1907. – PP. 448-459

описания Славы Божьей в Ветхом Завете, развитые в визионерской литературе традиции Меркавы. Сверкающие белые одежды Бога можно наблюдать в Дан. 7:9-14, 1 Енох. 12:5, Сефер Хехалот 28:7. Смысл этого эпизода в демонстрации божественной природы Иисуса и проповедованного Им Царства. Нарратив Преображения специфически связан именно с иудео-христианской теологией.

В то же время рассказы о Рождестве и посмертных явлениях Иисуса³¹ довольно стереотипны. Эти нарративы отсутствуют в Евангелии от Марка, а у Матфея и Луки играют роль пролога и эпилога.

Как у иудеев, так и у язычников ожидалось, что рождение великого человека, особенно царя, должно сопровождаться необычными явлениями. Так, согласно Плутарху, рождение Александра Македонского всполошило магов, живущих в Ефесе³². Рождение Аполлония Тианского сопровождалось сладким пением («словно зефир повеял над лугом») слетевшихся лебедей³³. Довольно обычным являлся сюжет с гонением будущего руководителя народа от нечестивого царя, который правил страной в то время (Моисей, Ромул, Рем, Кир). Так Геродот рассказывает, что маги предсказали Астиагу, царю мидян, что его внук Кир займет его место. По этому поводу Астиаг приказал убить младенца. Однако в результате подлога Кир остался жив. За это Астиаг убил малолетнего сына своего слуги, который должен был совершить данное убийство³⁴. Хотя сами по себе эпизоды поклонения магов и пастухов, избивание младенцев и бегство в Египет оригинальны, они обыгрывают конвенции, известные как еврейским, так и языческим читателям.

Точно так же описание смерти выдающейся личности подразумевало какие-то сверхъестественные посмертные явления. Так, Плутарх, рассказывая о гибели Цезаря, рутинно объявляет: «Из сверхъестественных же явлений самым замечательным было появление великой кометы³⁵». В произведениях античных авторов абсолютно нередким было по-

³¹ Евангелия не описывают сам процесс Воскресения. Основу веры в Воскресение Христа составляет рассказ об обнаружении открытого гроба, который становится отправной точкой повествований о явлении Христа.

³² Плутарх, Сравнительные жизнеописания, Александр, 1:3

³³ Филострат, Жизнь Аполлония Тианского, 1:5

³⁴ Геродот, История, Кн. 1, 107-111

³⁵ Плутарх, Сравнительные жизнеописания, Цезарь, 69:3

смертное явление героя своим друзьям или врагам. Так, тот же Цезарь, согласно Плутарху, явился после смерти своему убийце Бруту и возвестил его скорую гибель³⁶.

По одной из версий Аполлоний Тианский таинственно исчез в храме Диктинны:

Двери распахнулись настужь ему навстречу, но едва он вошел, снова захлопнулись, словно бы затворились, и послышалось изнутри девичье пенье, а песнь была такая: «Ввыспрь от земли, вдаль к небесам, гряди горе (т.е. вверх – А.П.)!», что означает: «Вознесись от земли к небу³⁷».

После своей смерти или восхождения на небеса Аполлоний явился одному из сомневающихся учеников, причем был невидим для других своих последователей³⁸. Ученики Аполлония верили, что он жив и молились ему как богу³⁹.

Особое значение для римлян приобретала вера в небожительство основателя Рима Ромула, отождествляемого с богом Квирином. Согласно Титу Ливию и Овидию⁴⁰, Ромул чудесным образом был вознесен на небеса:

Все римляне увидели царское кресло пустым; хотя они и поверили отцам, ближайшим очевидцам, что царь был унесен вихрем, все же, будто пораженные страхом сиротства, хранили скорбное молчание. Потом сперва немногие, а за ними все разом возглашают хвалу Ромулу, богу, богом рожденному, царю и отцу города Рима, молят его о мире, о том, чтобы, благой и милостивый, всегда хранил он свое потомство⁴¹.

Также Ливий передает, хотя и с долей скептицизма, рассказ одного из прокулов о явлении ему Ромула:

Ромул, отец нашего города, внезапно сошедший с неба, встретился мне нынешним утром. В благоговейном ужасе стоял я с ним рядом и молился, чтобы не зачлось мне во грех, что смотрю на него, а он промолвил: “Отправляйся и возвести римлянам: угодно богам, чтобы мой Рим стал главой всего мира. А посему пусть будут усердны к военному делу, пусть ведают сами и потомству передают, что нет человеческих сил, способных противиться римскому оружию”. И с этими словами удалился на небо⁴².

³⁶ Плутарх, Сравнительные жизнеописания, Цезарь, 69:6

³⁷ Филострат, Жизнь Аполлония Тианского, 8:30

³⁸ Там же, 8:31

³⁹ Там же.

⁴⁰ Овидий, Метаморфозы, 14:805-825

⁴¹ Тит Ливий, История Рима от основания города, 16:2-3

⁴² Там же, 16:5-7

Оригинальность евангельского сюжета заключается в том, что смерть и воскресение Иисуса не казуальны, а выражают универсальную закономерность, кульминацию вселенской истории, что характерно, скорее, для мистериальных мифов⁴³ (Адонис, Дионис, Прозерпина и т.д.). В то же время рассказ об Иисусе совершенно не мифологичен, он соответствует канонам исторической прозы. В результате нарратив Воскресшего Христа оказывается намного величественнее рассказов о посмертных явлениях царей и философов у античных авторов.

Итак, мы видим, что евангелисты Нового Завета творили свои произведения в рамках культурной матрицы Средиземноморья. Имея Септуагинту в качестве основания, Евангелия вбирают в себя как литературные традиции эллинизма, так и жанры устных текстов иудаизма. К сожалению, мы не можем восстановить литературное окружение Нового Завета полностью, т. к., судя по всему, многие ключевые формы, как притчи, в те времена бытовали только в устной традиции и не дошли до нашего времени. Тем не менее, знание литературных параллелей является значительным подспорьем при анализе конвенций евангельского нарратива.

---

⁴³ См. Фрэзер Дж., Золотая ветвь. – М.: АСТ, 2003. – С. 417 – 502.